

ПРЕДСТОЯЩИЕ ПРАЗДНИКИ

«Вы мне испортили вчерашний вечер...»

Накануне Раневской нездоровилось. И в традиционном капустнике дома отдыха она участвовать не могла — отказалась. Лежала у себя в комнате, и к ней зашла одна из отдыхающих, одна из зрительниц вчерашнего представления. Она то и сказала:

— Вы мне испортили вчерашний вечер!

— Чем же, помилуйте? Я же не...

— Вот тем испортили!

Как точно при всей внешней анекдотичности.

Большой художник нужен миру ежедневно. И сколько вечеров в театре испорчено отсутствием тех талантов, которых мы ждали и ждем.

Талант — будни. Пусть и звучит это несколько странно...

Талант — будни для тех, кто талантлив огромно, надолго, на целую жизнь.

Талант — будни, когда он не в подтверждении достигнутого ранее, не для стойкого равновесия репутации, а единственная новость откровения. Новость, однако, очевидная, непонятной для рациональных умозаключений силой увлекающая собой каждого

из сидящих в сосредоточенных сумерках зрительного зала.

Эпизод из вечера, ворвавшегося в театральную жизнь Москвы, после слишком уж тревожно затянувшегося ряда вечеров без Фаины Георгиевны на сцене. В Театре имени Пушкина идет «Игрок» по роману Достоевского. Раневская в роли парализованной бабушки. Первое появление — по зигзагу мизансцены катится коляска-кресло: вдоль задника, затем диагонально к левой кулисе и, наконец, выезд на авансцену. Абсолютный эффект кинематографического крупного плана, и, как взрыв, внезапный резонанс аплодисментов. И вот теперь — одним большим актером, наверное, ведомо, откуда здесь берется новое ощущение следующей и доступ-

ной им высоты, — надо произнести первую реплику, шагнуть в текст, в мгновенно и яростно накаленную сферу роли, обжить гребень звукового барьера.

Конечно, Раневской это удалось и в тот вечер, и в другие вечера. Потому-то она — Раневская, актриса, необходимая нам постоянно.

«Характерная актриса? Чепуха! — говорил ее партнер и друг Осип Абдулов. — Она целая труппа. Все амплуа в ней одной».

Одновременность ощущения трагического и сатирического — знаменитая мадам Скороход, владелица мебелишек «Мечта» и мелкой лавчонки в том же подъезде, в ленте Михаила Ромма «Мечта», и Васса Железнова, и миссис Этель Сэвидж, странная

миссис Сэвидж, и еще многие и многие, едва ли не все из сыгранных ею ролей — объясняет столь значительный диапазон участия Раневской в произведениях, далеких одно от другого и весьма различных.

Причем размер роли мало что решал и решает для Раневской. Запас пристальных и зафиксированных наблюдений аккумулирует силу ее актерского воспроизведения вне зависимости от длины драматургической дистанции.

Актеры прошлого столетия не стеснялись признаться, что «наблюдают типы».

Интенсивность современного артистического бытия — со всеми киносъемками, радиозаписями, телевидением, большей подробностью и дисциплиной репетиционного периода — лимитирует сроки подобного рода наблюдений.

Однако вряд ли возможно утверждать, что наблюдательность актеров притупилась.

Просто магнитное поле внимания стало насыщеннее, и смело, а порой беспощадно художник вводит в него себя самого и настезь распахивает все потайные двери собственной индивидуальности навстречу тем, кто становится его зрителем.

Характерная, сразу и навсегда запоминающаяся внешность Раневской ничуть не ограничивает диапазон ее превращений. Замысел молнией ударяет в предложенный актрисе драматургический материал. О симметрии Раневская не заботится. Рассечение психологического пласта происходит по линии неожиданной и никем другим не замеченной. Раневская обычно находит ей одной ведомые ракурсы глубины.

Да, почти все роли Раневской выстроены на рубежах комического, где масштаб комического не подвластен элементарным арифметическим действиям. Гротеск, преувеличение, эксцентрика — измерения, принятые актрисой на вооружение. Но ни контур, ни броско обыгранная плоскость рисунка, ни карикатурная стилизация не увлекают ее.

Стихия Раневской — объемность гиперболы. В любой резкости сатирических смещений найденный ею характер не уходит из реальности.

Спиральное кружение — раздумье около мишени оценок? Нет. Вся работа Раневской в искусстве избавила критиков от колебаний — оценки выставлены и эпитеты вроде бы исчерпаны, страницы рецензий легко сброшюровать в тома. Но кольцам, временно очер-

тившим очередную цель, дано рано или поздно замкнуться, а работа продолжается.

«Я редко встречал человека, — замечает драматург Евгений Габрилович, автор сценария «Мечта», — столь интересного в личном общении». Это про Раневскую.

Вообще актер «в миру», вне сценических и экранных рамок — тема особая и сложная. Иногда очарование продолжается, иногда, наоборот, уходит. Но и в том, и в другом случае не стоит спешить с выводами. Не стоит размежевывать работу, забирающую целиком, и короткий отдых от нее.

Театр длится в ней и происходит — то повторяясь, то открывая новые, еще неизрасходованные запасы возможностей — и вне театрального здания, вне определенности драматургического сюжета. Таков уж черновик профессии — прекрасный и привычный.

Что ж, ничто артистическое не чуждо Фаине Георгиевне. И в распоряжении ее друзей, знакомых, людей, кто в общежитийской лотерее вытянул билет общения с ней вне стен театра, — калейдоскоп миниатюр, где персонажами и кондуктор, и суфлер, и пьяный, и милиционер, и продавщица, и кто угодно...

И всегда, и по-прежнему она разная, полярная в проявлениях себя.

Порой беспомощная перед бытом.

Знакомый встречает ее в Комарове, в разгар летнего дня с чемоданом. Удивляется:

— Уезжаете?

— Нет, Боря. Идиотская история. Купила плащ, а нести тяжело. Купила чемодан, положила плащ в него: оказывается, еще тяжелее.

Порой беспощадная в категоричности оценок. Говорит про достаточно известного режиссера, прервав с ним работу: «Даже находиться с ним в одной комнате оскорбительно...»

Достоинства Раневской как собеседника многоступенчаты, но лучше всего определить их одним словом — щедрость.

Круг занимающих ее вопросов и круг друзей образованы вовсе не по принципу кастовости. Театр, люди театра — конечно. Но не обязательно. Люди искусства, проблемы искусства вообще — в большинстве случаев. Но не только.

Юмор, разумеется, предполагают в Раневской все, кто видел ее в ролях. Но обостренная чуткость к поэзии? Наверное, про это мало кому известно? А жаль...

На коротких поздравительных страницах, написанных в связи с семидесятилетием Фаины Георгиевны, не хватило и не могло хватить места для перечня того, что сделано ею за годы и годы работы в искусстве.

Но нельзя сомневаться, что всякий, кто имел счастье быть и продолжает быть зрителем выдающейся актрисы театра и кино, понимает и без напоминаний: мир Фаины Раневской — мир не поддающихся старению истинных художественных ценностей.

Признание и авторитет Раневской возведены в высшую и редкую степень. Она любима и теми неискушенными зрителями, называемыми актрисой по имени сыгранного ею персонажа («Муля, не нервуй меня»), и теми ценителями, которые привыкли оперировать искусствоведческими категориями.

Возраст большого художника — ни в коем случае не пора отступления. Оптический прицел осеннего взгляда — дорого стоит.

И, поздравляя сегодня Фаину Георгиевну, мы не сомневаемся, что вечера, грустно помеченные ее отсутствием на сцене, будут редки, а праздники частых встреч с ней предстоят нам.

Александр НИЛИН.